

Научная статья

УДК: 347.736.5

JEL: K35

DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

Цифровые активы в личном банкротстве: опыт Австралийского Союза

Станислав Валерьевич Одинцов¹,
Мария Сергеевна Грибановская²

^{1,2} Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

¹ odintsov_sv@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3403-3519>

² gracefulmind@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3583-7033>

Аннотация

Статья посвящена исследованию на примере Австралийского Союза проблем работы с цифровыми активами в процедурах личного банкротства. Исследуются правовые и практические аспекты выявления, идентификации, установления контроля над цифровыми активами должника-физического лица с целью их включения в конкурсную массу для реализации в интересах кредиторов. Используются диалектический метод, формально-юридический и юридико-догматический методы, а также методы системного анализа и правового моделирования. Ключевые результаты исследования демонстрируют, что цифровые активы существенно усложняют процедуру банкротства из-за своей децентрализованной природы, анонимности и трансграничности. Авторы выделили основные проблемные моменты, связанные с идентификацией владельцев активов, отслеживанием транзакций, получением контроля над криптокошельками должника, включением и возвращением цифровых активов в конкурсную массу, а также с оценкой их стоимости с целью реализации в рамках процедур банкротства, применяемых к физическим лицам. Установлено, что в Австралийском Союзе цифровые активы считаются имуществом в контексте банкротства, но при этом отсутствуют специальные нормы их регулирования в соответствующих процедурах. Правовой режим цифровых активов с точки зрения австралийского конкурсного права регулируется правовыми нормами, касающимися имущества должника в целом, которые приходится адаптировать ввиду уникальной нематериальной и децентрализованной природы цифровых активов. Разработанные регулятором практические рекомендации для

лиц, управляющих активами должника и администрирующих соответствующие процедуры личных банкротств, включающие в себя различные методы выявления цифровых активов, рекомендации по анализу доказательств транзакций, механизмы взаимодействия с должником, охватывают далеко не весь спектр потенциальных проблем, которые могут возникнуть на практике. Основные выводы исследования подчеркивают необходимость создания сбалансированного регуляторного подхода, который бы стимулировал добровольное раскрытие информации о цифровых активах и препятствовал недобросовестному поведению должников. Для недобросовестных должников следует развивать комплекс существующих мер, направленных на принудительное обнаружение цифровых активов и их включение или возврат в конкурсную массу.

Ключевые слова

личное банкротство; неплатежеспособность; цифровые активы; криптовалюта; криптокошелок; кастодиан; невзаимозаменяемые токены; австралийское законодательство.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научной школы «Компаративистика частного права и цивилистического процесса».

Для цитирования: Одинцов С.В., Грибановская М.С. Цифровые активы в личном банкротстве: опыт Австралийского Союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 3. С.226–251. DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

Research article

Digital Assets in Personal Bankruptcy: Experience of the Commonwealth of Australia

Stanislav V. Odintsov¹, Maria S. Gribanovskaya²

Peoples' Friendship Lumumba University, 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russia,

¹ odintsov_sv@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3403-3519>

² gracefulmind@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3583-7033>

Abstract

The article is devoted to the study of the issues that arise in process of working with digital assets in personal bankruptcy procedures based on the example of the Australian Union. The legal and practical aspects of identifying and establishing control over the digital assets of an individual debtor are being investigated in order to include them in the bankruptcy estate for sale in the interests of creditors. The dialectical method, formal legal and legal dogmatic methods, as well as methods of system analysis and legal modeling are implemented in the research. The key results of the study demonstrate that digital assets significantly complicate the bankruptcy procedure due to their decentralized nature, anonymity and cross-border nature. The authors identified the main

problematic issues related to the identification of asset owners, tracking transactions, gaining control over the debtor's crypto wallets, including and returning digital assets to the bankruptcy estate, as well as assessing their value in order to implement bankruptcy procedures applied to individuals. It has been established that in the Australian Union, digital assets are considered property in the context of bankruptcy, but there are no special rules for their regulation in bankruptcy procedures. From the point of view of Australian competition law, the legal regime of digital assets is governed by legal norms relating to the debtor's property as a whole, which have to be adapted due to the unique intangible and decentralized nature of digital assets. The practical recommendations developed by the regulator for persons managing the debtor's assets and administering the relevant personal bankruptcy procedures, which include various methods for identifying digital assets, recommendations for analyzing transaction evidence, and mechanisms for interacting with the debtor, do not cover the full range of potential problems that may arise in practice. The main conclusions of the study emphasize the need to create a balanced regulatory approach that would encourage voluntary disclosure of information about digital assets and discourage unfair behavior by debtors. For unscrupulous debtors, a set of existing measures should be developed to force the discovery of digital assets and their inclusion or return to the bankruptcy estate.

Keywords

personal bankruptcy; insolvency; digital assets; cryptocurrency; crypto-wallet; custodian; NFT, Australian legislation.

Acknowledgements: The article was drafted within the framework of the research school «Comparativistics of private law and civilian process».

For citation: Odintsov S.V., Gribovskaya M.S. (2025) Digital Assets in Personal Bankruptcy: Experience of the Commonwealth of Australia. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol.18, no. 3, pp. 226–251. DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

Введение

Австралийский Союз (далее — Австралия) стремится демонстрировать лидерство в области применения инновационных финансовых технологий (Financial technology/FinTech). По мере того, как цифровые активы, прежде всего криптовалюта и невзаимозаменяемые токены (Non-fungible token, далее — NFT), становятся более востребованными объектами имущественного оборота, все больше их владельцев задаются вопросом, что может произойти с этими активами в случае банкротства. Стремительный рост оборота цифровых активов порождает множество потенциальных проблем и дискуссионных вопросов, в том числе в сфере личной неплатежеспособности (далее — личное банкротство).

Безусловно, больше всего правоприменительных сложностей возникает, когда законодательство об обороте цифровых активов

вступает в противоречие с конкурсным правом. Возникают, в частности, проблемы, как следует классифицировать и рассматривать криптовалюты («самый ранний и самый известный пример криптоактивов», «особый тип виртуальных валют») [Ермакова Е. П., Фролова Е.Е., 2019: 613] и иные цифровые активы, являются ли они имуществом, должны ли они вообще входить в состав конкурсной массы, как можно идентифицировать должников — владельцев таких активов, какие есть сложности изъятия и распределения цифровых активов между кредиторами. Большинство инноваций связано с внедрением цифровых технологий (с соответствующими принципами и алгоритмами функционирования), в частности, блокчейн — это разновидность технологии масштабируемых распределенных реестров (distributed ledger technology, далее — DLT), которая обладает соответствующими технологическими особенностями (использование криптографии, децентрализация и как следствие относительно высокий уровень анонимности). «Можно сомневаться в надежности сохранности цифровых валют, но все согласны с тем, что лежащая в их основе технология распределенного реестра (включая блокчейн) имеет большие перспективы» [Hill J., 2018: 53].

Трудности также связаны с трансюрисдикционностью правоотношений и отсутствием единообразной нормативной базы и колебаниями стоимости (волатильностью) цифровых активов. В рамках децентрализованных финансов (DeFi) для использования цифровых валют (криптовалют) не требуется открывать в традиционных банковских (финансовых) организациях счета на конкретное лицо с проведением комплаенс-процедур (know your customer), т.е. с раскрытием информации о нем. Для депонирования, хранения и перевода достаточно программного приложения, которое не фиксирует персональных данных пользователей, а использует уникальную учетную запись в качестве идентификатора владельца так называемого «виртуального криптокошелька» (virtual crypto-wallet, далее — криптокошелек).

Таким образом, присущая большинству криптовалют анонимность противоречит прозрачности, необходимой при судебных процедурах корпоративной несостоятельности и личного банкротства, которые в Австралии рассматриваются либо федеральным окружным судом (при обращении кредиторов), либо судом по семейным делам (при добровольном банкротстве). Процедура добровольного личного банкротства с задолженностью в пределах 10 000 австралийских долл. находится в ведении Австралийского управления финансовой безопасности (Australian Financial Security Authority, далее — AFSA)¹.

¹ Available at: URL: <https://www.afsa.gov.au/> (дата обращения: 30.07.2025)

Так вырисовывается регуляторная дилемма — или сохранять децентрализованный характер оборота криптовалют и иных цифровых активов, или привести его в соответствие с существующими правовыми стандартами транспарентности и деанонимизации. Несмотря на ограничение свободы и анонимности регулированием оборота криптовалют, исследователи отмечают положительное влияние такого регулирования, способствующее «профессионализации и становлению криптосектора» [Knoll-Csete E., Birher N., Varga N., 2024: 15]. Вместе с тем, регулирование предлагается свести к минимуму, чтобы «позволить инновациям процветать в этой области» [Subramanian R., Chino T., 2015: 35].

Дела о неплатежеспособности предполагают необходимость точного определения убытков (кредиторской задолженности) и своевременность выявления активов должников и обращения на них взыскания, а также обоснованность того, достаточны ли активы для максимального покрытия как требований кредиторов, так и затрат на проведение процедур. Нормативно регламентированные правомочия лиц, управляющих активами должника и администрирующих соответствующие процедуры личных банкротств включают действия по выявлению активов, оспариванию сделок и иные, связанные с формированием и увеличением конкурсной массы. Забота о своевременном и наиболее экономически эффективном процессе идет рука об руку с более общей целью — максимизировать стоимость активов должника (имущества конкурсной массы) в целом, чтобы минимизировать убытки его кредиторов.

Цифровые активы существенно усложнили процесс банкротства в указанной части — новый тип объектов имущественного оборота, который может вписываться или не вписываться в рамки нормотворчества и правоприменения. Права на них регистрируются в блокчейн-системе, и их децентрализованная природа также означает, что они могут перемещаться и/или храниться вне досягаемости традиционных финансовых организаций и национальных регуляторов («криптовалюты функционируют вне устоявшихся финансовых систем» и «не регулируются центральными финансовыми институтами» [Shahzad M.F., Xu S., Lim W. et al., 2024: 2]). Это часто делает их невидимыми и/или неуловимыми с точки зрения положений законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Если у «фиатных» валют и иных активов, охраняемых статутным правом, есть условно бумажный/физический след, указывающий на фактическое наличие такого имущества, то в отношении цифровых активов такое далеко не всегда возможно определить. К примеру, мо-

гут отсутствовать документы, удостоверяющие (верифицирующие) процедуры (алгоритмы, коды и тому подобные), иные уникальные идентификаторы, позволяющие выявлять такие активы и опосредовать их принадлежность определенному лицу — должнику. Это, безусловно, самым негативным образом влияет на возможность включения такого имущества в конкурсную массу и управления им, в том числе его последующую реализацию.

Цифровые активы нематериальны, универсальны и существуют в Интернете, что означает возможность непредсказуемых транзакций (переводов), в том числе по времени и скорости совершения. Глобальный (трансграничный) или, если корректнее, отчасти виртуальный и трансюрисдикционный характер криптовалютных транзакций, совершаемых в так называемых одноранговых/пиринговых (P2P) сетях непосредственно между их участниками, также усложняет обозначенную выше ситуацию. Хотя, с другой стороны, ввиду открытого (публичного) кода большинства блокчейн-систем практически вся историческая транзакционная информация может быть потенциально доступна суду, правоохранительным и иным компетентным органам.

Настоящее исследование направлено на рассмотрение особенностей правового режима цифровых активов в производстве по делам о личном банкротстве в Австралии с акцентом на препятствия, возникающие в процессе их выявления, идентификации и установления контроля над ними для целей включения в конкурсную массу и последующей реализации в интересах кредиторов. Правовые механизмы и регуляторные подходы к сфере личного банкротства недостаточно адаптированы к специфике цифровых активов, что создает существенные препятствия формированию и управлению конкурсной массой должника. Децентрализованная природа, псевдонимность и трансграничный характер цифровых активов существенно осложняют процедуры их выявления, оценки и реализации.

Авторы используют диалектический подход, позволяющий проанализировать регулирование цифровых активов в контексте личного банкротства в Австралии. Формально-юридический метод, юридико-догматический, а также методы системного анализа и правового моделирования позволяют выявить особенности правового режима цифровых активов как элемента имущественного комплекса должника в рамках целостной системы конкурсных правоотношений, а также выделить потенциальные проблемы, которые могут возникать в сфере работы с цифровыми активами в процедурах личного банкротства, и сценарии их разрешения.

1. Понимание цифровых активов в австралийском конкурсном праве

Появление и широкое применение цифровых активов вынуждает правовую систему адаптироваться. Один из основополагающих вопросов в делах о личных банкротствах, связанных с цифровыми активами, заключается в том, можно ли идентифицировать цифровые активы как имущество. Австралийский законодатель не отвечает напрямую, в законе не указано, что цифровые активы следует относить к имуществу, но судебная практика по делам, не связанным с банкротством, признает их имуществом (например, в делах *Hague v Cordiner*² и *Commissioner of the Australian Federal Police v Bigatton*³). Что касается доктрины, то исследователи [Allen J.G., Rauchs M., Blandin A. et al., 2020: 2, 3–4] полагают, что признавать цифровые активы имуществом возможно и для целей банкротства. Это справедливо и логично, так как для целей налогообложения криптовалюта также рассматривается как актив [Reeves P., O’Grady R., Shen E., 2024: 215–217].

О токенах отмечается, что хотя их функциональность не определяет юридической природы или режима в рамках производства по делу о несостоятельности, но понимание их особенностей может стать отправной точкой к пониманию криптоактивов, их природы и режима при банкротстве [Remolina N., Gurrea-Martínez A., Liu D. et al., 2024: 2]. Одной из особенностей цифровых активов как имущества является возможность отделения владения такими активами от контроля над ними. Концепция контроля (исключительный контроль над информацией в реестре) по мнению некоторых авторов [Allen J.G., Rauchs M., Blandin A. et al., 2020: 25, 48] подходит для цифровых активов больше концепции владения, а средства защиты, характерные для владения, не подходят для владельцев цифровых активов.

В Австралии, как и в большинстве государств мира, цифровые активы не оставлены без внимания ключевых целей процедур банкротства. Это означает, что, если в отношении физического или юридического лица, владеющего цифровыми активами, будет введена одна из процедур, применяемых в деле о несостоятельности

---

² *Hague v Cordiner* (No. 2) [2020] NSWDC 23. Available at: URL: <https://www7.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/nsw/NSWDC/2020/23.html> (дата обращения: 10.07.2025)

³ *Commissioner of the Australian Federal Police v Bigatton* [2020] NSWSC 245. Available at: URL: <https://jade.io/article/722013> (дата обращения: 10.07.2025)

(банкротстве), соответствующие активы могут быть включены в конкурсную массу для последующей реализации, как и любое иное имущество должника, а вырученные средства должны быть распределены между кредиторами. Для производства по делу о несостоятельности (банкротстве) основополагающее значение имеют сбор информации об активах должника, их поиск, сохранение, а также управление и распоряжение ими в интересах кредиторов специально уполномоченным лицом. Иными словами, практически во всех юрисдикциях активы должника помещаются под особый режим, часто называемый конкурсной массой (*insolvency estate*), и Австралия не является исключением.

На официальном сайте AFSA⁴ подчеркивается, что в случае банкротства криптовалюта, как и любые другие цифровые активы, переходит управляющему конкурсной массой, и может быть реализована с целью извлечения прибыли для кредиторов, независимо от того, когда была приобретена — до банкротства или во время банкротства.

2. Проблемы выявления цифровых активов и установления контроля над ними

Одна из первоначальных проблем, с которой сталкиваются лица, управляющие активами должника и администрирующие соответствующие процедуры личных банкротств, заключается в установлении того, владеет ли должник цифровыми активами. После их выявления следующая задача — получение доступа к такому активу и установление контроля над ним, особенно при нежелании должника раскрывать цифровые активы, либо в случае смерти должника. Существует множество инструментов, доступных в разных правовых порядках, но в основном они сводятся к облегчению доступа к информации для определения местонахождения активов, к защите активов путем временного замораживания транзакций или возможности распоряжения активами (*freezing orders*), если есть риск их сокрытия или растраты, а также к действиям по возвращению активов, отмене/оспариванию незаконных транзакций, производимых с целью сокрытия активов, обмана кредиторов и наносящих ущерб их имущественным интересам [Sarra J., Madaus S., Mevorach I., 2023: 256].

---

⁴ What happens to my money? Available at: URL: <https://www.afsa.gov.au/i-cant-pay-my-debts/bankruptcy/consequences-bankruptcy/what-happens-my-money> (дата обращения: 10.07.2025)

Доступ к информации об активах зачастую не является проблемой, если должник, действуя добросовестно, исполняет обязательства в соответствии с законодательством о несостоятельности: сообщает точную, достоверную и полную информации, касающуюся его финансового положения, включая активы, пассивы, доходы и выплаты, и сотрудничает с управляющим с целью возврата активов, «где бы они ни находились». Подобная обязанность должника предусмотрена законодательством многих государств, включая Австралию. Обычно эта обязанность включает требование о подготовке документов и обмене ими, передаче бухгалтерской документации и записей управленческого учета, а также любой другой информации, связанной с активами. Нарушение данной обязанности дает основание уполномоченному в деле о личном банкротстве лицу на обращение в суд с требованием о предоставлении необходимой информации.

По нормам австралийского Закона о банкротстве (Bankruptcy Act) 1966 года⁵ существует обязанность сотрудничать с лицами, управляющими активами должника и администрирующими соответствующие процедуры личных банкротств, в плане раскрытия информации об активах, которые были из владения должника в периоды, подпадающие под действие правил об оспаривании и признании недействительными сделок. Соответствующая информация о существовании и местонахождении активов часто также находится в руках, записях и/или известна третьим лицам. Права на доступ к этим источникам информации, как и возможность замораживания таких активов (приостановление действия права на передачу, обременение или иное распоряжение любыми активами должника) различаются в зависимости от юрисдикции.

Все эти правила при добросовестности (good faith) должника-банкрота могут без затруднений реализовываться в пределах территории государства, где введена процедура банкротства. Однако при его недобросовестности, включая бездействие, в том числе при сокрытии имущества за рубежом, а также при ненадлежащем ведении документации и учета активов и обязательств необходимы механизмы оценки документации должника и способы выявления активов и возвращения в конкурсную массу в интересах кредиторов. Кредиторы вправе ходатайствовать перед судом, который в соответствии с частями IX, X или XI Закона о банкротстве обладает пол-

---

⁵ Bankruptcy Act, 1966 (version 21 February 2025). Available at: URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text> (дата обращения: 14.07.2025)

номочиями издавать приказы (включая декларативные приказы или приказы о наложении судебных запретов или других справедливых средств правовой защиты). В частности, суд вправе распорядиться о расследовании и сборе отчетности для целей любого судебного разбирательства, которое сочтет необходимым, и указать, как следует вести учет имущества должника-банкрота. При этом суд вправе заслушивать и выносить решения в открытом заседании по вопросам, указанным в п. 1 ст. 31 Закона о банкротстве, и присуждать судебные издержки в соответствии со ст. 32 Закона.

В Австралии обязанности должника, связанные с информированием об активах (и соответствующие правомочия управляющего), предусмотрены положениями ст. 55 Закона о банкротстве, согласно которой должник при подаче заявления о банкротстве должен предоставить отчет о состоянии дел (statement of affairs), содержащий информацию в том числе и об активах, а обновленная форма такого отчета предусматривает раскрытие информации о владении (доле владения) должника в любых цифровых активах, включая криптовалюты. Сообщение подробных сведений обо всех доходах, включая дополнительные льготы, как и информирование по поводу состояния дел на регулярной основе являются обязанностью должников. Так, согласно ст. 77 Закона о банкротстве предусмотрена обязанность должника по передаче бухгалтерских книг и иных документов, информации о состоянии дел и о любых изменениях (в том числе в составе активов), о приобретении активов. Таким образом, должник обязан сообщить своему управляющему, если он владеет криптовалютой или иными цифровыми активами или приобретает их, и предоставить по запросу ключ безопасности для доступа к криптокошельку. В соответствующих случаях управляющие вправе также использовать данные им Законом о банкротстве полномочия: по запросу на доступ к бухгалтерским книгам (на основании ст. 77А), на публичный допрос в суде, в том числе для получения информации об имуществе (на основании ст. 81), и на ордер на обыск и конфискацию имущества и бухгалтерских книг банкрота (на основании ст. 130).

Отдельно следует упомянуть возможность управляющего имуществом должника-банкрота использовать полномочия статуса «публичного» / «государственного» управляющего («Official Receiver» — как и в Соединенном Королевстве часто используется аббревиатура «The OR»), по сути, судебного исполнителя (распорядителя). Для использования таких полномочий необходимо подавать заявку по определенной форме, и за это взимается плата в размере 480 ав-

стралийских долл.⁶ Для работы с банкротами, владеющими цифровыми активами, могут быть применены полномочия на получение информации, доказательств и документов, регламентированные ст. 77С Закона о банкротстве. Нормы данной статьи обязывают любое лицо сообщать информацию/пройти проверку и/или предоставить документы, касающиеся любого вопроса, связанного с выполнением функций государственного управляющего или управляющего имуществом должника (к примеру, передать «закрытый» ключ от криптокошелька и/или данные о транзакциях). Право государственного управляющего на полный и бесплатный доступ ко всем помещениям и документам должника и третьих лиц, а также право делать копии таких документов и выписки из них (как и соответствующая обязанность должника и третьих лиц) регламентированы в ст. 77АА Закона о банкротстве (например, ордер на обыск дает возможность изъять и скопировать данные с электронных устройств).

К должнику применяются различные санкции (от штрафов до тюремного заключения и отказа в освобождении от долговой нагрузки) за сокрытие активов, непредоставление, уничтожение или сокрытие документов, отчета о состоянии дел, неисполнение иных обязанностей, связанных с информацией об активах и передаче таковых управляющему конкурсной массой (*trustee of estate of bankrupt*) (в таком качестве может выступать либо назначенный судом государственный управляющий, либо частный управляющий, назначенный решением собрания кредиторов — *registered trustee*).

В Австралии (наряду с другими государствами системы общего права) суды готовы выносить постановления (судебные приказы — *writs of injunction*) о замораживании криптоактивов и счетов в блокчейне⁷. При этом судьи акцентируют внимание на весомости оснований такой меры, в частности, есть ли риск отчуждения активов, опасность невозможности исполнения впоследствии судебных решений или иных законных действий вследствие направленных на изъятие активов действий/бездействия ответчиков. Учитывается также распоряжение цифровыми активами таким образом, чтобы умышленно снизить их стоимость. Судьи отмечают, что предотвра-

---

⁶ См.: р. 2.01 *Bankruptcy (Fees and Remuneration) Determination*, 2015 (version 01 April 2021). Available at: URL: <https://www.legislation.gov.au/F2015L00680/latest/versions> (дата обращения: 27.07.2025)

⁷ См., напр.: *Chen v Blockchain Global Ltd* [2025] VSC 216. Available at: URL: <https://jade.io/article/1130225> (дата обращения: 10.07.2025); *Rhino Trading Pty Ltd v Lotte Enterprise Pty Ltd* [2024] VSC 52. Available at: URL: <https://jade.io/article/1063441> (дата обращения: 10.07.2025)

щение растраты активов особенно актуально в контексте криптовалют⁸. В некоторых юрисдикциях данной системы права стало возможным принимать меры против «неизвестных лиц», в том числе замораживать цифровые активы, владелец которых остается неизвестным⁹. Полагаем, что подобные меры могут быть приняты и при рассмотрении дел о личном банкротстве в Австралии, так как прецеденты одних стран системы общего права являются убеждающими для других [Богдановская И.Ю., 2010: 83–84]; [Коршунова П.В., 2020: 191]; [Рожкова М.А., 2009: 326–327]; [Киселев А.А., 2025: 36].

Принудительное взыскание цифровых активов поднимает проблемы. Право владения ими определяется «открытым» и «закрытым» ключами (криптографическими кодами). Первый — это адрес криптокошелька (которым можно поделиться с другими), он похож на номер счета, а «закрытый» хранится у владельца и используется для доступа и управления кошельком. Лицо, ответственное за управление конкурсной массой неплатежеспособного должника, обретает контроль над активами лишь после получения «закрытого» ключа, а это в большой степени зависит от добросовестности должника. В свете децентрализованной природы таких активов невозможно добиться физического (фактического) обладания ими, а также трудно получить контроль над ними, если должник-банкрот скрывает их существование, либо не желает передавать «закрытый» ключ от своего криптокошелька. Цифровые активы могут храниться в криптокошельках различных типов, в частности, существуют так называемые «горячие» (hot storage) и «холодные» (cold storage); для первых необходимо подключение к Интернету, вторые хранятся в автономном режиме, и каждый разделяется на подвиды («горячие» могут включать «онлайн», «мобильные» или «с мульти-подписью», «холодные» — «аппаратные» или «бумажные»), отличающиеся собственным уровнем безопасности, обеспечивающим защиту «закрытого» ключа [Jokić S., Cvetković A.S., Adamović S. et al, 2019: 67].

⁸ См.: Australian Securities and Investments Commission v NGS Crypto Pty Ltd [2024] FCA 373 [39]. Available at: URL: <https://jade.io/article/1071865> (дата обращения: 10.07.2025); Australian Securities and Investments Commission v A One Multi Services Pty Ltd [2021] FCA 1297 [19]. Available at: URL: <https://jade.io/article/843656> (дата обращения: 10.07.2025)

⁹ См., напр.: CMOС Sales & Marketing Ltd v Persons Unknown and 30 Others, [2018] EWHC 2230 (Com.) (England). Available at: URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2018/2230.html> (дата обращения: 25.07.2025); ChainSwap v Persons Unknown, BVHC (COM) 2022/031 (British Virgin Islands). Available at: URL: <https://www.eccourts.org/judgment/chainswap-limited-v-the-owner-of-digital-wallet-et-al> (дата обращения: 25.07.2025)

Владелец цифровых активов может выбрать хранение активов в криптокошельке, которым он управляет самостоятельно, также известном как самостоятельное (или «прямое») хранение, а может воспользоваться услугами профессионального хранителя (кастодиана, Custodian Wallet Providers). Когда цифровые активы, принадлежащие неплатежеспособному должнику, хранятся в блокчейн-системе (на платформе DLT), в том числе опосредованно с участием биржевых площадок или кастодиана, выявление и обращение взыскания на цифровые активы банкрота значительно проще. Это связано с тем, что должник является клиентом соответствующей блокчейн-системы, и присутствует высокая вероятность возможности обращения взыскания на цифровые активы и включения их в конкурсную массу, направив запрос непосредственно оператору (администратору) блокчейн-системы. Если владелец цифровых активов автономно осуществляет хранение, то их выявление и передача в конкурсную массу сильно зависит от его добросовестности (готов ли он добровольно раскрыть информацию о принадлежащих ему цифровых активах, об их местонахождении, согласится ли содействовать их передаче под контроль лица, управляющего конкурсной массой в пользу кредиторов).

Выявление, отслеживание и возвращение активов в интересах заинтересованных лиц, в том числе в интересах кредиторов в деле о личном банкротстве весьма затруднительны в эпоху цифровых технологий из-за относительной простоты перемещения активов между юрисдикциями. При этом несмотря на механизмы отслеживания и возвращения таких активов в различных государствах, такие механизмы могут отличаться и не признаваться на международном уровне. Ряд исследователей указывает на необходимость принятия «корректирующих мер для достижения устойчивого уровня финансовой и экономической безопасности в условиях применения блокчейн-технологий с учетом внешних и внутренних угроз» [Burkaltseva D.D., Vorshch L.M., Frolova E.E. et al, 2017: 12]. Вместе с тем зачастую даже ранее возбуждения производства по делу о банкротстве крайне целесообразно обладать информацией о наличии у должника активов, например, чтобы узнать, достаточно ли их для погашения расходов, непосредственно связанных с процедурой (в том числе на поиск, отслеживание и возвращение активов в конкурсную массу), а также чтобы гарантировать сохранение имущества в интересах кредиторов.

Все значительно усложняется, если в отношениях, связанных с банкротством, появляется иностранный элемент (что весьма ве-

роятно при наличии у должника цифровых активов), т.е. в случае с трансграничной несостоятельностью. Управляющему конкурсной массой может потребоваться помощь иностранных судов для поиска и обеспечения сохранности цифровых активов посредством подачи заявлений в соответствии с Типовым законом ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности¹⁰ (UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency, далее — MLCBI), имплементированным в законодательство различных государств всего мира. Австралия приняла его в 2008 году. MLCBI является основой сотрудничества судов и управляющих разных государств в делах о трансграничной несостоятельности, регламентирует признание иностранного производства и судебных актов, помощь в отслеживании и возвращении активов, различные меры защиты активов в интересах кредиторов (приостановление исполнения в отношении имущества должника, возложение полномочий управления скоропортящимся или быстро теряющим стоимость имуществом и его реализации на иностранное уполномоченное лицо, мораторий на различные действия с активами, получение доказательств или информации об активах должника и др.), возможность обращения непосредственно в суды и уполномоченные органы иностранных государств без необходимости соблюдения формальных требований и предварительного признания иностранного производства.

При отслеживании перемещения цифровых активов одной из первостепенных проблем является отсутствие единого мнения о том, считается ли переданный актив новым, т.е. в который был преобразован первоначальный актив (ввиду изменения числовой последовательности в коде при транзакции), или изначальный актив сохраняется на протяжении всей цепочки транзакций. Данная проблема, конечно, не касается NFT. Передача актива возможна не только путем транзакции, но и путем фактической смены контроля над активом, например, если владелец передает другому лицу фактически доступ к «холодному» криптокошельку или иным формам хранения криптовалюты. При этом будут отличаться способы отслеживания такого актива и его возвращения в конкурсную массу. Отслеживание возможно в двух вариантах: одного и того же цифрового актива по мере его передачи из рук в руки (following) либо путем идентификации нового актива в качестве замены старого (tracing). По мнению

---

¹⁰ Available at: URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/1997-model-law-insol-2013-guide-enactment-e.pdf> (дата обращения: 18.07.2025)

Д. Фокса, когда речь идет о цифровых активах, применяется tracing [Fox D., 2018: 30–31, 42].

Активы, которые не получилось включить в состав конкурсной массы, могут перемещаться различными способами. К примеру, они могут передаваться по цепочке транзакций и переведены на кошельки кастодиана, где смешиваются/микшируются с другими цифровыми активами, а затем снова выводятся. Кастодиан может смешивать активы разных владельцев, что также может негативно сказаться на возможности возвращения такого имущества в конкурсную массу. Помимо указанного перемешивания эксперты международной межправительственной организации Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, далее — FATF) приводит пример с использованием «прокси или протокола DNS (domain name system) явно с целью сокрытия, а также использование шифровальных программ, частое изменение IP-адресов и иной идентификационной информации»¹¹.

Всегда есть высокая вероятность того, что недобросовестные должники могут прибегнуть к использованию цифровых активов в качестве средства защиты активов от кредиторов, и встает вопрос: являются ли способы их выявления адекватными для целей борьбы с этой проблемой или требуются новые индивидуальные механизмы. Управляющим в деле о личном банкротстве крайне необходимо использовать различные методы выявления и возвращения цифровых активов в конкурсную массу — поиск банковских выписок, корреспонденции, мобильных приложений, электронных писем, истории поиска в Интернете и др. Может потребоваться помощь операторов/провайдеров информационно-коммуникационных платформ, поставщиков облачных услуг, криптовалютных бирж, суда или государственных органов для обеспечения раскрытия «закрытых» ключей, кодов, паролей, информации о криптокошельке, для помощи в выявлении, включении/возвращении в конкурсную массу, а также для управления цифровыми активами. Суд вправе в том числе обязать должника раскрыть свои пароли или перевести свои активы управляющему в деле о банкротстве.

Правила контроля транзакций (crypto travel rule), выпущенные в качестве рекомендаций FATF и устанавливающие требование о включении финансовой организацией проверенной и достоверной

---

¹¹ Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Available at: URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html> (дата обращения: 20.07.2025)

информации об отправителе (плательщике) и/или о бенефициаре (получателе платежа) по всей цепочке транзакций, были введены во внутреннее регулирование в ряде юрисдикций с 2019 года, но пока не приняты в Австралии¹². Технологические решения, позволяющие поставщикам услуг по обороту цифровых активов соблюдать правило контроля транзакций, все еще находятся в стадии разработки и только начинают внедряться во всем мире. Поддержание подобной инициативы приведет к колоссальной нагрузке на операторов/провайдеров платформ DLT, администраторов биржевых площадок, кастодианов, которые в настоящее время не имеют доступа к подробной информации о фактических бенефициарах, а также будет препятствовать развитию данной сферы. С другой стороны, это уравнило бы транзакции в блокчейн-системе с безналичными платежами в русле борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, а также упростило бы процедуру поиска и включения цифровых активов в конкурсную массу при личном банкротстве.

Потенциальные возможности управляющего имуществом должника-банкрота по возвращению в конкурсную массу цифровых активов могут быть различными в зависимости от их вида. Несколько проще будет с подконтрольными эмитенту активами, а также с активами, хранящимися в блокчейн-системе, где известна личность владельцев, в рамках закрытых публичных либо закрытых частных платформ DLT, т.е. при отступлении от принципа децентрализации. Знание личностей владельцев/получателей в любом случае помогает свести к минимуму ущерб для формирования конкурсной массы. Если получатель цифровых активов известен или они были впоследствии переведены на централизованную криптобиржу (centralized exchange, CEX), это упростит управляющему в деле о личном банкротстве запросы о раскрытии информации в адрес администратора/оператора соответствующей биржевой площадки (как и подачу иска в перспективе), поскольку не будет проблем с идентификацией владельца/получателя. Возможное банкротство получателя (нового владельца) цифровых активов, в свою очередь, может как минимум значительно усложнить процедуру их возврата в конкурсную массу должника-бывшего владельца таких активов, если не сделать ее совсем маловероятной или даже невозможной.

Кроме того, возможность возврата цифровых активов всегда сопряжена с ограничениями, и есть опасность, что получатель пере-

---

¹² Explore Travel Rule Implementation. Available at: URL: <https://sumsub.com/blog/what-is-the-fatf-travel-rule/> (дата обращения: 22.07.2025)

даст их далее, например, они будут переведены на некастодиальный виртуальный счет третьей стороны. Тогда возможность установления контроля над цифровыми активами будет зависеть от контроля над «закрытыми» ключами от этого счета/криптокошелька. Если лицо, владеющее ключами, не может быть идентифицировано или найдено или не желает совершать обратную транзакцию (и не может быть принуждено к этому), установление контроля над цифровыми активами может оказаться невозможным, даже если суд вынесет в соответствии с частями IX, X или XI Закона о банкротстве декларативный приказ об их возврате.

Перевод цифровых активов может быть осуществлен также в пользу третьих лиц, которых законодатель защищает как добросовестных, тогда такая транзакция подпадет под одно из исключений, связанных с процедурами оспаривания сделок. В этом случае усилия управляющего в деле о личном банкротстве по возвращению активов могут быть сведены на нет. Теоретически это не наносило бы ущерба правам кредиторов, поскольку правило о добросовестном приобретателе защищало бы только последующих получателей, и суды все еще могли взыскать стоимость активов с первоначального получателя. Однако при исчерпании иных средств правовой защиты вещных (владельческих) прав останется лишь возможность заявить требование в рамках обязательственных правоотношений (право требовать у кастодиана передачи цифровых активов). В этом случае вероятность взыскания значительно ниже.

С цифровыми активами, хранящимися в блокчейн-системах, где не известна личность владельцев, на открытых публичных и децентрализованных платформах DLT, у управляющего в деле о личном банкротстве могут быть значительные трудности с идентификацией владельца/получателя и возвратом таких активов. Вместе с тем нельзя утверждать, что это невозможно. Даже использование в аккаунтах (учетных записях) псевдонимов не обеспечивает значительной степени анонимности. Как отмечают исследователи, «хотя одним из заявленных преимуществ использования криптовалют является их анонимность, они не могут быть полностью анонимными» [Edwards F.R., Hanley K., Litan R. et al., 2019: 15].

Постоянно разрабатываются новые способы идентификации транзакций, их цепочек и совокупностей, и отслеживания цифровых активов с помощью истории транзакций, записанной в реестре блокчейн-системы. При этом они не ограничиваются анализом входных и выходных данных при передаче цифровых активов в реестр, но также позволяют отслеживать действия при их переме-

щении по различным платформам DLT. Существует возможность идентифицировать владельца/получателя даже при замене одного цифрового актива на другой тип и перемещении из одного реестра в другой, отслеживать транзакции на платформе, привязывать криптокошельки к идентификационным (верифицирующим) данным и, следовательно, отслеживать как субъектов, так и определенные объекты виртуального имущественного оборота. К примеру, если получатель цифровых активов является посредником, либо их передача была осуществлена сторонним посредником и отражена у него во внутренних записях, суды могут потребовать его содействия в раскрытии личности владельцев счетов или опосредующих активов, подлежащих возвращению под контроль управляющего в деле о личном банкротстве, т.е. в конкурсную массу.

3. Автоматизированные скрипты

При формировании конкурсной массы и включении в нее цифровых активов использование машинно-программных сценариев и криптографических алгоритмов (далее — автоматизированные скрипты), включая смарт-контракты, порождает проблемы с оценкой добросовестности должника, особенно когда цифровые активы предопределенно отчуждаются в пользу кредиторов и/или третьих лиц. Использование указанных скриптов может поставить под сомнение концепцию априорного приостановления взыскания на имущество должника (моратория). Автоматизированные скрипты — это фрагменты кода в распределенном реестре блокчейн-системы, которые в изначально запрограммированном режиме выполняют задачи (перевод цифровых активов должника, к примеру, в счет встречного предоставления, или обращение взыскания на предоставленное должником обеспечение надлежащего исполнения обязательств) при выполнении определенных условий или наступлении определенных событий (обстоятельств). Так, в качестве условия/события, запускающего автоматизированный скрипт, может быть дата, факт неисполнения обязательств, просрочка исполнения и прочее. Если автоматизированная система самозащиты права условно обеспечивает защиту от неисполнения обязательств, то автоматизированное исполнение полностью исключает возможность неисполнения обязательств.

Такие скрипты чаще всего используются для второго варианта. Автоматизированный характер скриптов позволяет выполнять передачу цифровых активов без необходимости вмешательства челове-

ка, т.е. антропогенного фактора, как например, в рамках концепций управления с помощью алгоритмов (algorithmic legal order/algocracy) и децентрализованных автономных корпораций (decentralized autonomous corporation — DAC). Проблема в том, что такие скрипты не предназначены для обеспечения гибкости, и после их запуска любое изменение или приостановление их исполнения практически невозможны, если такая возможность не была предусмотрена изначально. Когда автоматизированный скрипт создается до введения процедуры личного банкротства, а запуск исполнения происходит после подачи заявления, он может выполнить транзакцию, которая обычно должна была бы быть приостановлена из-за моратория или ограничения на распоряжение активами должника.

Если стороны изначально не предусмотрели и не включили функцию приостановления выполнения такого скрипта, то соответственно и не смогут предотвратить его выполнение. Цифровые активы не только немедленно в таком случае переходят к отдельному кредитору или третьему лицу, но и могут быть реализованы владельцем/получателем в ускоренном режиме, что может привести к отсутствию гарантированной возможности включения/возвращения их в конкурсную массу. Для понимания того, нарушает ли транзакция указанный мораторий на обращение взыскания на имущество должника, необходимо установить, подпадает ли она по срокам под действие моратория. Тогда приобретает значение толкование даты выполнения автоматизированного скрипта — считать таковой дату его запуска; дату выполнения соответствующего условия, запускающего скрипт; дату непосредственно самой транзакции.

В любом случае выбытие цифровых активов из-под контроля должника после начала действия автоматического приостановления взыскания на его имущество и ограничения на распоряжение активами (в том числе в результате действия автоматических скриптов) влечет необходимость принятия управляющим в деле о личном банкротстве необходимых мер к оспариванию сделок, взысканию таких активов и возвращению их в конкурсную массу должника-банкрота. Это может быть весьма затруднительно и затратно (с точки зрения и времени, и средств) ввиду особенностей таких активов. Но в целом при осуществлении должником-владельцем цифровых активов транзакции по их передаче уже после введения ограничений на распоряжение средствами и моратория на обращение взыскания на его имущество, а также при осуществлении транзакции вследствие выполнения автоматического скрипта, стороны по-прежнему могут иметь возможность искать средства правовой защиты за пределами

блокчейн-системы. Цифровые активы, которые должны были быть частью конкурсной массы, могут быть утрачены также и из-за неправомерных действий должника или против его воли. Если в первом случае требуется перед включением либо возвращением активов в конкурсную массу сперва оспорить сделку, то во втором этого не требуется.

4. Рекомендации AFSA

В силу высокой вероятности того, что криптовалюта будет среди активов должника, и управляющим имуществом должника придется иметь с ней дело, в том числе в рамках личного банкротства, AFSA выпустило практические рекомендации¹³ по работе с криптовалютой. В частности, рассматривается вопрос о выявлении данного вида активов, о сохранении их стоимости в интересах кредиторов неплатежеспособного лица, о реализации активов на нестабильном рынке и распределении выручки между кредиторами в соответствии с их правами. Для установления контроля над криптовалютой управляющему имуществом банкрота потребуются соответствующие «открытый»/«закрытый» ключи, поэтому крайне важно, чтобы должник сотрудничал с управляющим. Вместе с тем AFSA называет ряд инструментов, которые помогают управляющему выполнять обязанности; например, вышеупомянутая обязанность должника информировать о цифровых активах (неисполнение которой влечет применение санкций).

Поскольку цифровыми активами можно владеть и отчуждать их под псевдонимом, а единого централизованного «реестра цифровых активов» не существует, постольку управляющим также предстоит целый комплекс мер по их выявлению. В частности, на каждого банкрота необходимо составить профиль должника, и, если это целесообразно (например, для должников с высоким доходом или с высоким соотношением долга к доходу), сразу при назначении управляющего немедленно запросить и изучить банковские выписки банкрота, чтобы выявить любые операции, которые могут быть, в частности, связаны с криптовалютой или криптовалютной биржей (например, операции с такими ключевыми словами, как «биткоин», «монета», «криптовалюта» и «электронная валюта»). Рекомендуется также рассмотреть возможность сбора электронных доказательств

¹³ Dealing with cryptocurrency in a bankrupt estate. Available at: URL: <https://www.afsa.gov.au/professionals/dealing-cryptocurrency-bankrupt-estate> (дата обращения: 20.07.2025)

для проведения расследований. К потенциальным доказательствам владения (например, подтверждениям покупки) относятся электронные письма, мобильные приложения, QR-коды, кодовые слова восстановления, история просмотров в браузере и аппаратные средства для получения цифровых активов. При проверке электронных устройств также могут быть обнаружены вышеупомянутые «открытые» и «закрытые» ключи от криптокошельков.

Если управляющий подозревает наличие цифровых активов у банкрота, ему следует незамедлительно запросить информацию о владельце и получить доступ к соответствующим «открытым» и «закрытым» ключам (от банкрота и/или третьих лиц, таких как криптовалютная биржа, при условии, что криптовалюта хранится с использованием кастодиального кошелька), и отследить с их помощью прошлые транзакции на биржевой площадке, выявляя соответствующие транзакции, прежде всего такие, которые можно отменить. AFSA предлагает лицам, управляющим активами должника и администрирующим соответствующие процедуры личных банкротств использовать специальные программы/ресурсы выявления и анализа транзакций: Numisite.com, Blockchain explorer (Blockchain.com), Chainalysis.com, Ciphertrace/Neutrino X Flow), а также иные доступные в Интернете инструменты с открытым исходным кодом, в том числе для определения IP-адресов и их пользователей (DNS-записи и утилиты Traceroute). При этом управляющий сможет лишь отследить определенные транзакции, а подтверждение характера и содержание этих транзакций уже требует содействия должника.

Что касается дохода должника после признания его банкротом, то AFSA отмечает, что хотя такие доходы не переходят к управляющему имуществом, но криптовалюта, приобретенная на них, может переходить ему, если не будет доказано, что приобретение и использование криптовалюты были направлены на замену легальной «фиатной» валюты, т.е. на использование криптовалюты для накопления и/или в качестве платежного средства для оплаты товаров (работы/услуг). Относительно должников с высоким уровнем дохода рекомендуется периодически (в идеале — во время каждой проверки доходов) запрашивать и просматривать выписки по их банковским счетам с целью выявления инвестиций в криптовалюту, чтобы впоследствии установить цель использования криптовалюты и определить, является ли она активом в рамках процедуры банкротства.

После выявления цифровых активов для получения над ними контроля лицам, управляющим активами должника и соответствующими процедурами личных банкротств, необходимо незамедли-

тельно обеспечить их сохранность, переведя на свой криптокошелек (предпочтительнее «холодный» для снижения риска утраты), после чего продать на криптовалютной бирже и перевести вырученные средства на банковский счет управляющего. В случае нахождения цифровых активов должника за пределами Австралии AFSA напоминает о возможности использования вышеупомянутых положений MLCBI для обеспечения сохранности и продажи криптовалюты. Вместе с тем признается, что намного проще выявить и отследить криптовалюту, если она будет куплена и продана через австралийскую биржу. Если криптовалюта будет приобретена и продана за наличные или через одноранговую сеть (P2P), отследить и реализовать ее будет практически невозможно.

После выявления и возврата цифровых активов управляющий может столкнуться с проблемой реализации данных активов на нестабильном или неликвидном рынке. Время влияет на цену продажи, потому что для некоторых цифровых активов (таких как NFT или токенов/криптовалюты), которые недоступны на крупных биржах, будет крайне трудно найти потенциальных покупателей или обеспечить текущую ликвидность для цели избежания уменьшения стоимости конкурсной массы. Из-за неустойчивости криптовалюты также необходимо будет рассмотреть вопрос: стоит ли удерживать или продавать цифровые активы. Может потребоваться использование криптовалютных брокерских и внебиржевых сервисов, кастодианов для реализации некоторых цифровых активов значительной стоимости.

Для реализации любых активов в рамках процедур несостоятельности (банкротства) требуется предварительная экспертная оценка их фактической стоимости, что опять же может быть затруднительно ввиду высокой волатильности цифровых активов (стоимость криптовалют может ежедневно меняться, а для оценки NFT не существует стандартного метода, так как они часто уникальны и зависят от текущего рыночного спроса). С целью избежания снижения стоимости цифровых активов AFSA рекомендует реализовать их в кратчайшие сроки¹⁴. Вероятно, правильнее было бы осуществить анализ рынка с целью прогнозирования изменения стоимости цифровых активов должника, поскольку такие активы могут как упасть, так и вырасти в цене, и их спешная продажа может стоить кредиторам дорого. Различных способов и методов прогнозирования изме-

¹⁴ Dealing with cryptocurrency in a bankrupt estate. Available at: URL: <https://www.afsa.gov.au/professionals/dealing-cryptocurrency-bankrupt-estate> (дата обращения: 20.07.2025)

нения стоимости криптовалют и иных цифровых активов, которые могли бы пригодиться в выборе подходящего момента для их продажи, наукой выработано достаточно, в частности, многие проанализированы в исследовании английских ученых [Fang F., Ventre C., Basios M. et al., 2022].

Рекомендации AFSA о работе с криптовалютой детализированы и практико-ориентированы, но они решают далеко не все проблемы, с которыми в перспективе столкнутся управляющие имуществом должника. В конечном счете решение большинства трудностей зависит от объема полномочий лиц, управляющих активами должника и администрирующих соответствующие процедуры банкротств (объективная составляющая), и их профессионального и технического уровня развития (субъективная составляющая). Управляющие обязаны понимать природу цифровых активов, связанные с ними уникальные потенциальные проблемы и риски, и знать, как использовать различные правовые инструменты для оптимальной защиты имущества, входящего в состав конкурсной массы.

Заключение

Проблемы выявления, отслеживания цифровых активов, возвращения их в конкурсную массу и реализации признаются животрепещущими и значимыми во всем мире. Цифровые активы повсеместно считаются имуществом для целей личного банкротства, и ввиду их ценности следует создавать такие регуляторные условия, чтобы банкротам было выгоднее своевременно самому раскрывать соответствующую информацию о них. На случай недобросовестности должников следует также иметь систему способов принудительного выявления цифровых активов и их включения или возвращения в конкурсную массу, при этом соблюдая баланс регламентации, чтобы этот сектор экономики продолжал развиваться.

Законодательство Австралийского Союза в сфере обращения цифровых активов продолжает находиться в стадии развития, а законодательство определяет общие правила для всех активов должника, лишь некоторые из которых применимы к цифровым активам в силу их уникальности, децентрализованной и нематериальной природы. В силу отсутствия нормативных правил работы с такими активами в процедуре личного банкротства австралийский регулятор разработал рекомендации, анализ которых показывает, что они охватывают не весь спектр потенциальных проблем и рисков, с которыми могут столкнуться лица, управляющие имуществом должника и админи-

стрирующие соответствующие процедуры банкротств при выявлении/отслеживании таких активов, включении/возвращении их в конкурсную массу и последующими оценкой и реализацией с целью выплат кредиторам. Вместе с тем устранение подобных проблем и рисков должно способствовать предотвращению неправомерного уменьшения конкурсной массы, а также препятствовать повышению рисков того, что должники будут вести себя недобросовестно, используя возможности технологии распределенных реестров (DLT) для скрытия цифровых активов от кредиторов.

Список источников

1. Богдановская И.Ю. Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 75–87.
2. Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 606–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625.
3. Киселев А.А. Значение судебных решений в Англии, Германии и Франции // Новый юридический вестник. 2025. № 2 (44). С. 36–39.
4. Коршунова П.В. Правовые средства обеспечения единства судебной практики в странах общего права // Электронный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. № 3. С. 187–197.
5. Рожкова М.А. Судебный прецедент и судебная практика В кн.: Иски и судебные решения: Сборник статей. М.: Статут, 2009. С. 320–353.
6. Allen J.G., Rauchs M., Blandin A. et al. Legal and Regulatory Considerations for Digital Assets. CCAF Publications, 2020, pp. 1–55. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=3712888> (дата обращения: 18.07.2025).
7. Burkaltseva D.D. et al. Financial and economic security of business as a primary element in the economic system. Revista Espacios, 2017, vol. 38, no. 33, pp. 3–23.
8. Edwards F.R. et al. Crypto Assets Require Better Regulation: Statement of the Financial Economists Roundtable on Crypto Assets. Financial Analysts Journal, 2019, vol. 75, no. 2, pp. 14–19. DOI: 10.1080/0015198X.2019.1593766.
9. Fang F., Ventre C., Basios M. et al. Cryptocurrency trading: a comprehensive survey. Financial Innovation, 2022, vol. 8, no. 13, pp. 1–59. DOI: 10.1186/s40854-021-00321-6.
10. Fox D. Cryptocurrencies in the Common Law of Property. SSRN Electronic Journal, 2018, pp. 1–42. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3232501>. DOI: 10.2139/ssrn.3232501 (дата обращения: 18.07.2025)
11. Hill J. Chapter 3 — Money: A Medium of Exchange, Unit of Account, and Store of Wealth. FinTech and the Remaking of Financial Institutions, 2018, pp. 41–68. DOI: 10.1016/B978-0-12-813497-9.00003-2.
12. Jokić S., Cvetković A.S. et al. Comparative analysis of cryptocurrency wallets vs traditional wallets. Ekonomika, 2019, vol. 65, no. 3, pp. 65–75. DOI: 10.5937/ekonomika1903065J.

13. Knoll-Csete E., Birher N., Varga N. Regulating cryptocurrencies — legal challenges and risks. Cambridge Open Engage, 2024, pp. 1–19.
14. Reeves P., O’Grady R., Shen E. Australia. In: J. N. Dewey (ed.) *Global Legal Insights Blockchain & Cryptocurrency Regulation* (6th ed.). London: Global Legal Group, 2024, pp. 210–223.
15. Remolina N., Gurrea-Martínez A. et al. The Treatment of Digital Assets in Insolvency. In: J. G. Allen et al. (eds.) *Oxford Handbook of Digital Assets and the Law*. Oxford: University Press, 2024, pp. 1–25. DOI: 10.2139/ssrn.4915592.
16. Sarra J., Madaus S., Mevorach I. Chasing assets abroad: Ideas for more effective asset tracing and recovery in cross-border insolvency. *International Insolvency Review*, 2023, vol. 32, no. 2, pp. 253–288. DOI: 10.1002/iir.1499.
17. Shahzad M.F. et al. Cryptocurrency awareness, acceptance, and adoption: the role of trust as a cornerstone. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 1–15. DOI: 10.1057/s41599-023-02528-7.
18. Subramanian R., Chino T. The State of Cryptocurrencies, Their Issues and Policy Interactions. *Journal of International Technology and Information Management*, 2015, vol. 24, issue 3, pp. 24–40. DOI: 10.58729/1941-6679.1045.

References

1. Allen J.G., Rauchs M., Blandin A. et al. (2020) Legal and Regulatory Considerations for Digital Assets. *CCAF Publications*, pp. 1–55. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3712888>.
2. Bogdanovskaya I. Y. (2010) The evolution of judicial precedent in «common law». *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 3, no. 2, pp. 75–87 (in Russ.)
3. Burkaltseva D.D. et al. (2017) Financial and economic security of business as a primary element in the economic system. *Revista Espacios*, vol. 38, no. 33, pp. 3–23.
4. Edwards F.R. et al. (2019) Crypto Assets Require Better Regulation: Statement of the Financial Economists Roundtable on Crypto Assets. *Financial Analysts Journal*, vol. 75, no. 2, pp. 14–19. DOI: 10.1080/0015198X.2019.1593766.
5. Ermakova E.P., Frolova E.E. (2019) Legal Regulation of Digital Banking in Russia and Foreign Countries (European Union, USA, PRC). *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*=Perm University Herald. Juridical Sciences, Issue 46, pp. 606–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625. (in Russ.).
6. Fang F., Ventre C., Basios M. et al. (2022) Cryptocurrency trading: a comprehensive survey. *Financial Innovation*, vol. 8. no. 13, pp. 1–59. DOI: 10.1186/s40854-021-00321-6.
7. Fox D. (2018) Cryptocurrencies in the Common Law of Property. *SSRN Electronic Journal*, pp. 1–42. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3232501>. DOI: 10.2139/ssrn.3232501.
8. Hill J. (2018) Chapter 3, Money: A Medium of Exchange, Unit of Account, and Store of Wealth. *FinTech and the Remaking of Financial Institutions*, pp. 41–68. DOI: 10.1016/B978-0-12-813497-9.00003-2.
9. Jokić S., Cvetković A.S. et al. (2019) Comparative analysis of cryptocurrency wallets vs traditional wallets. *Ekonomika*, vol. 65. no. 3, pp. 65–75. DOI: 10.5937/ekonomika1903065J.

10. Kiselyov A.A. (2025) The significance of judicial decisions in England, Germany and France. *Novyy yuridicheskiy vestnik*=New Legal Bulletin, no. 2, pp. 36–39 (in Russ.)
11. Knoll-Csete E. et al. (2024) Regulating cryptocurrencies — legal challenges and risks. *Cambridge Open Engage*, pp. 1–19. Available at: <https://www.cambridge.org/engage/coe/article-details/673ce7725a82cea2fac1ac96>. DOI: 10.33774/coe-2024-k6j7h.
12. Korshunova P.V. (2020) Legal Means of Ensuring the Unity of Judicial Practice in Common Law Countries. *Elektronnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*=Electronic journal «Science. Society. State», no. 3, pp. 187–197 (in Russ.)
13. Reeves P., O’Grady R., Shen E. (2024) Australia. In: J. N. Dewey (ed.) *Global Legal Insights Blockchain & Cryptocurrency Regulation*. London: Global Legal Group, pp. 210–223. Available at: <https://www.acc.com/sites/default/files/resources/upload/Blockchain%20and%20Cryptocurrency%20Regulation%202024.pdf>.
14. Remolina N., Gurrea-Martinez A., Liu D. et al. (2024) The Treatment of Digital Assets in Insolvency. In: J. G. Allen et al.(eds.) *Oxford Handbook of Digital Assets and the Law*. Oxford: University Press, pp. 1–25. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4915592>. DOI: 10.2139/ssrn.4915592.
15. Rozhkova M. A. (2009) Judicial precedent and judicial practice. In: *Lawsuits and court decisions: Collection of articles*. Moscow: Statut, pp. 320–353 (in Russ.)
16. Sarra J., Madaus S., Mevorach I. (2023) Chasing assets abroad: Ideas for more effective asset tracing and recovery in cross-border insolvency. *International Insolvency Review*, vol. 32, no. 2, pp. 253–288. DOI: 10.1002/iir.1499.
17. Shahzad M.F. et al. (2024) Crypto currency awareness, acceptance, and adoption: the role of trust as a cornerstone. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 11, no. 4, pp. 1–15. DOI: 10.1057/s41599-023-02528-7.
18. Subramanian R., Chino T. (2015) The State of Cryptocurrencies, Their Issues and Policy Interactions. *Journal of International Technology and Information Management*, vol. 24, issue 3, article 2, pp. 24–40. Available at: <https://scholarworks.lib.csusb.edu/jitim/vol24/iss3/2>. DOI: 10.58729/1941-6679.1045.

Информация об авторах:

С.В. Одинцов—кандидат юридических наук, доцент.

М.С. Грибановская — аспирантка.

Information about the authors:

S.V. Odintsov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

M.S. Gribanovskaya — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.08.2025.

The article was submitted to editorial office 04.12.2024; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.08.2025.